

Наталья Прушинская

С БЕЛОЙ ПОВЯЗКОЙ НА ГЛАЗАХ
О пережитом в немецкой оккупации
(по рассказам матери и брата)

У меня хранится книга «Никогда не забудем!» (М.; Л., 1949) с подписью моего дяди: «И. Зыков, 30/VII 49. Гомель». Это рассказы 26 белорусских детей, переживших все ужасы немецкой оккупации, помогавших отцам и братьям громить врагов Родины в дни Великой Отечественной войны. Рассказы, собранные под руководством Янки Мавра, стали, действительно, «ярким обличительным документом против фашизма» [2].

Авторам книги в начале войны было от 6 до 12 лет. В большинстве они остались сиротами, трое стали «сыновьями полка». Дети рассказывают о зверствах фашистов, о пережитых страданиях и о своем участии в героической борьбе народа за свободу Белоруссии. Потрясает рассказ десятилетней Кати Жачкиной, вместе с родственниками попавшей в крематорий Освенцима. Катя почувствовала, как зашевелился и начал наклоняться пол; внизу она увидела огонь, пылавший в печи. Семья чудом осталась жива: был перепутан эшелон, назначенный к сжиганию.

Мужественная переводчица из рассказа «Мы – советские люди», давшего название сборнику Б. Полевого (М., 1948), – определила мой выбор профессии. В оккупированном городе Береза (условное имя героини) снабжала наш штаб сведениями о намерениях противника, умела ничем не вы-

дать себя даже в самые страшные часы выполнения заданий [5, 106–122; 389]. Истина, которую внушали нам семья и школа: знание иностранных и национальных языков необходимо и приносит огромную пользу – зримо и волнующе предстала передо мной и в рассказе «Рождение эпоса» из того же сборника. Лингвистическая подготовка фольклориста Малика Габдулина, сражавшегося в дивизии Панфилова, немало способствовала повышению боеспособности наших воинских частей [5, 131–149; 389–390].

В наши дни в Карелии изданы повести Н. В. Черниковича «Войной опаленные. Директор» (Петрозаводск, 2006). Николай Васильевич родом из деревни Смоличи Копыльского района Минщины. Живет в городе Пудож в Карелии; трудился в лесной отрасли Пудожского района; в детстве пережил фашистскую оккупацию в Беларуси – о чем, в частности, и рассказывает автор книги. Его открытость и честность, уникальный жизненный опыт делают издание заметным явлением белорусско-российской культуры.

Войну Н. В. Черникович встретил в родной деревне пятилетним ребенком. На его глазах делят и прячут колхозное добро; бредут, отступая, израненные, измученные солдаты и беженцы; добывают оружие и возвращаются (или не возвращаются) с заданий партизаны; строят землянки односельчане. Автор предельно объективен: он не скрывает ни мародерства, случавшегося среди партизан, ни человечности, которой не были лишены отдельные солдаты Третьего рейха. Рассказ о священнике, который оказался в одном из партизанских отрядов, отозвался в моем сердце личным воспоминанием. Батюшка совершал обряды по охранению деревни от уничтожения и крестил будущего автора [6, 29–31]. Это напомнило мне рассказ матери о моем крещении, тоже состоявшемся накануне оккупации. В свое время (время атеизма) ее рассказ удивил меня. Но факт сближения государственной власти с православной церковью в 1941 – 1945 годах подтверждается историческими исследованиями [1, 466; 7].

Со слов матери и брата Юрия, а также по немногим собственным воспоминаниям (мне в начале войны было полтора года) поведаю и наш печальный опыт жизни в немецкой оккупации. При всей отрывочности, эпизодичности и, порою, случайности обретения мною этого опыта он во многом соотносится с упомянутыми книгами, как и с сегодняшней научной информацией о Великой Отечественной войне. Своё повествование я строю по хронологии отразившихся в нем событий.

1940. Я была грудным ребенком, когда в июне 1940 года во второй раз арестовали моего отца в Мурманске. Высланные из Мурманской области, мы с матерью и Юрой направились на Брянщину, поближе к семье мамино брата, жившего в Гомеле. До войны жили в деревне Смолевичи, где мама работала учительницей; в годы оккупации – в деревне Павличи; после мама и брат жили в Великой Топали. По малости лет я этих деревень не помню,

но помнится деревня Лоза, временно построенная после изгнания немцев и пожара. Из Лозы тетя Ксения (К. А. Шашалевич), принявшая мою сестру Оксану после первого ареста отца (1934), увезла меня в Петрозаводск.

1941. Летом 1941 года я была крещена, что было возможно, как уже отмечено, ввиду сближения государственной власти 1941–1945 годов с православной церковью. О своем крещении узнала осенью 1950-го. То была эпоха ужесточения антирелигиозной пропаганды [7] – видимо, по этой причине мамин рассказ проходил в уединении, в доме брата матери. И. А. Зыков был священником по образованию, деканом Гомельского пединститута. «Ты крещеная», – сказала мама. Упреждая мои недоуменные вопросы, пояснила: «Женщины деревни, в которой мы жили перед приходом немцев, отнесли тебя крестить, когда меня не было дома. Боялись беды: немцы плохо относятся к некрещеным...». Дядя подтвердил ее слова.

При немцах, – рассказывала мама в том же 1950 году односельчанам деревни Неговки, – был длительный жестокий голод, шли массовые расстрелы мирного населения. Люди передавали друг другу легенду о седой женщине с белой повязкой на глазах; у нее были дети. Два вооруженных солдата рейха водили ее между рядами, и она отсчитывала каждого пятого... Рассказ я слушала в ужасе, зажав рот руками, чтоб ничего не спросить. Волосы дыбом вставали на голове. Никто не проронил ни слова, молча разошлись по домам.

Эпизод с немецким врачом, случившийся, видимо, тоже в 1941-м, открылся в конце 1970-х. Маму спросили: «Почему Вы не эвакуировались?». Не ответив на «лобовой» вопрос, она рассказала, как я погибала от стоматита: голодная, все тянула в рот. Ей указали на дверь в комендатуре: там немецкий врач тайком лечил местное население. Мама внесла меня к нему; он быстро намазал мне чем-то рот и поскорее вытолкнул нас за дверь...

В огненном 1941-м, очевидно, я пролепетала первое в своей жизни осмысленное слово. Само по себе это событие не стоило бы упоминания в сегодняшнем разговоре, но в том-то и дело, что оно было симптоматично. А узнала я о нем лет через тридцать пять после войны... После утраты Юры, тяжело сказавшейся на здоровье мамы, она жила в моей семье, в Петрозаводске, постепенно теряя ясность сознания. Случись ей остаться дома одной, она снова могла испытывать голод, не замечая оставленной на самых видных местах пищи, записок... Дочки мои в ту пору были школьницами начальных классов. Как-то раз, беспечно болтая с подружками, они вспоминали первые смешные слова, сказанные ими в детстве. Посреди этой болтовни мама, вдруг обернувшись ко мне, тихо произнесла то первое слово, неумело выговоренное мною жалобным, умоляющим голодом: «Твое первое слово было: *Хэ-эбця!*». Меня так и резануло по сердцу: мама, мамочка, прости меня, прости! Прости за все, что пришлось тебе вынести ради меня или по моей вине! Если можно...

1942. Видимо, к началу 1942-го надо отнести голодный обморок мамы, который я помню уже сама... Но весной 1944 года, когда мама и брат впервые стали вспоминать о пережитом при немцах, я еще не сумела выразить словами вставшее перед взором видение... Впервые поведала о нем в 1988 году немецкому слависту Норберту Рандову. Один из первых литературоведов, кто высоко оценил творчество А. Мрыя (моего отца), Н. Рандов внимательно следил за научной информацией о писателе. В белорусской периодике ее начали публиковать в конце 1980-х годов. Ученый обращался к нам с сестрой за разъяснениями. Он спрашивал о судьбе отца и нашей семьи в 1940-е годы; о том, была ли оккупирована немцами территория, на которой мы оказались: «In der Einleitung zu den Erzählungen in Heft 2 von «Маладосць» schreibt Jauhen Lecka, daß Ihr Vater 1943 aus dem Lager entlassen worden sei. Aus welchem? Und wo wohnte Ihre Familie damals? War das Gebiet von den Deutschen okkupiert? Ich würde gern mehr darüber erfahren...» [4, л. 7].

В ответном письме к Н. Рандову я и достала из-под спуда далеких лет то воспоминание, о котором не сумела рассказать маме и брату весной 1944 года. Черновик письма сохранился, позволю себе воспроизвести часть его, касающуюся голодного обморока мамы: «... Два-три эпизода помню я сама, все они связаны с голодом и едой. Помню, мама кормила меня картошкой, я была очень довольна... ела, ела... Смотрю, мама не ест, оставшуюся картошку убирает в печку. Что ж, думаю, маме лучше знать, надо ли ей поесть... Как вдруг она со всего своего роста рухнула на пол... Я сообразила, что картошка ее спасет, бросилась к печке: благо, топка была невысоко, я смогла достать. Веря, что это маме поможет, стала заталкивать картошку ей в рот... Она очнулась» [3, л. 8].

События, о которых мама и Юра вспоминали весной 1944-го, уверенные в том, что я-то, по малости лет, ничего не помню из случившегося при немцах, могли произойти весной и летом 1942-го. Мама раздобыла сметану, а я раздала ее ребятишкам, оставив родных без пищи... В другой раз, устав на сборе орехов (мы сдавали их на заготпункт, а также желтые полевые бессмертники и другие лекарственные травы), я запутивала родных: мол, волк мне сказал, что если мы не уйдем, он нас съест! Мимо ехали на телеге люди и согласились подвезти меня к первому дому деревни. Но они повезли меня к последнему, и я потом брела через всю деревню пешком, а родные шли мне навстречу... Оба случая помнила и я, а эпизод раздачи сметаны детям дополнила мамиными словами обо мне. Когда хозяйка, у которой мы жили, принялась отчитывать меня за растрату, мама возразила ей: «Добрая девочка, это хорошо».

1943. Какое-то время мама работала в полиции – видимо, в последний год оккупации. Это выяснилось в начале 1970-х, когда я приехала к родным в отпуск. Мама и брат рассказали мне, что приходили два журналиста

из ФРГ, просившие согласия на перевод романа А. Мрыя. Им отказали. Понятно, что мама тревожилась из-за недавних диссидентских процессов и опасалась новых бед. Юра же – человек больной и крайне неуравновешенный, – в страхе представил себе, в чем могут обвинить маму власти, если узнают о визите: «Ты работала в полиции и выдавала партизан!». Мама спокойно ответила ему: «Юра, я не выдавала партизан, я печатала на машинке».

Очевидно, она работала в полиции до поры, когда наша армия погнала фашистов с родной земли (Брянская область была освобождена в сентябре 1943 года [8]). Помню деревенскую площадь: много людей в форме и много лошадей; Юра катался на лошади. К нам подошел человек в форме, угостил меня конфетой, и мама предложила мне прокатиться с ним. Я не только сама не хотела кататься, но и за Юру боялась: зачем он это делает?.. Смысл этого эпизода мама раскрыла мне в Новобелице осенью 1949 года: был человек, предлагавший ей выйти за него замуж, но она не согласилась, так как с неродными детьми в семье не всегда обходятся хорошо... То было прощание: человек в форме уехал в Германию, а мама осталась на родине ждать возвращения мужа из лагеря...

Далее в доме часто ночевали группы отступающих немцев. После одной из таких ночевок мы проснулись от криков: «Пожар! Горим!». Горела вся деревня. Зиму прожили в землянках...

1944. Там, в землянке, мы получили письмо от тети Ксени. Мама сказала: «Она пишет о папе...». До тех пор я не знала отца и, кажется, не слышала о нем... Может, потому, что была слишком мала или у нас была одна забота – выжить. При мысли, что у меня есть папа, я почувствовала такую радость, что показалось, стены в землянке раздвинулись, потолок стал выше. «У меня есть папа?!» – воскликнула я. Мама сказала: «Она пишет, что отец, видимо, умер в дороге...». Радость угасла, но большого горя я не почувствовала: ведь я не знала, что такое отец, что значит такая потеря... «Наверно, Юра будет теперь нашим папой?» – спросила я. «Ты глупая!» – сказал Юра. Он горько плакал, мама его утешала... А у самой у нее уже не осталось слез...

К весне отстроилась Лоза, мы перешли в маленький новый домик. Необыкновенно ласково светило солнце, я любила гладить солнечный луч, скользивший по канапе, прикладываться к нему щекой... Ждали приезда тети Ксени из Петрозаводска, и мама сообщила несказанно обрадовавшую меня новость: «Там живет твоя сестра!». Тетя привезла мне два платяца и, пока гостила у нас, сшила третье. Взрослые говорили, что оставаться в деревне мне не резон: ребенку нужно развитие, а в Петрозаводске можно ходить в садик. Меня не волновали ни платяца, ни это какое-то там «развитие», другое дело – сестра. Тетя спрашивала маму обо мне: «А ты не боишься, что она забудет тебя? Есть ли хоть память-то у нее?». – «Не забудет!

О, какая память!» – гордо отвечала мама. Матери свойственно гордиться детьми...

Добрая соседка, рассказывая притчу о венике, который нельзя сломать в связке, уговаривала меня не оставлять маму и брата. Я не хотела ругаться: думалось, что мама сильнее меня и Юры. Она отпустила меня.

Насчет притчи о венике соседка была тысячу раз права. Тем более нужно было поскорее восстановить все родственные узы. Тетя Ксения ре нашла семью второго своего брата – белорусского поэта и драматурга Василия Антоновича Шашалевича, погибшего в лагерях. После эвакуации вернулись в Гомель с семьями старшие брат и сестра матери: Иван Иванович Зыков и Ольга А. Тржасковская с семьями. Почти тогда же и Василий А. Зыков, жившего в Москве, а в 1970-е годы – и Николая Зыкова, оказавшегося в Валдае Новгородской обл. От него узнали о судьбе моего дяди, Григория Андреевича Зыкова, погибшего под Сталинградом в 1943 году в возрасте 50 лет.

О трагических судьбах отца и его брата Василия Шашалевича мы тогда ничего не знали. Лишь часть правды открылась в годы «хрущевской оттепели», а полная – в 1990-е годы и позже...

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРА

С. А. Зыкова

Василий и Григорий Зыковы

ЛИТЕРАТУРА

1. История России. С древнейших времен до конца XX века: в 3 т. – Т. 3. История России. XX век. – М.: АСТ, 1996.
2. Никогда не забудем: сб. рассказов белорусских детей / собр. и зап. под руков. Я. Мавра; пер. с белорус. П. Кобзаревского. – М.; Л.: Госиздат Детской литературы, 1949.
3. Письмо Н. Прушинской к Н. Рандову от 10.08.1988: (Черновик) // Рукоп.
4. Письмо Н. Рандова к Н. А. Прушинской от 26.06.1988: // Рукоп.
5. Полевой Б. Собрание сочинений: в 9 т. / коммент. Н. Железновой. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 2. – С. 106–122; 389.
6. Черникович, Н. В. Войной опаленные. Директор / Н. В. Черникович. – Петрозаводск, 2006. – 206 с.
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Религия_в_СССР
8. https://Protown.ru/Russia/obl/history/history_304.htm